

Глава 55. Корыстная Тёмная Луна (4)

Ночь прошла спокойно, без сновидений, и он проспал до самого рассвета. За те несколько дней, что Шуй Цюэ провёл в этом мире, он постепенно привык к здешнему укладу жизни — вставать с солнцем и ложиться с закатом. Поэтому, когда окрестные петухи запели, он тут же проснулся.

Ци Чаоцинъ уже был во дворе. Он зарезал птицу, ошпарил её кипятком и ошипал. На кухонном столе стояла полная миска крови.

Младший господин присел на корточки и с любопытством посмотрел на него.

— Ци-лан, отчего у тебя такие тёмные круги под глазами? Ты что, совсем не спал?

Хозяин дома, не прекращая ошипывать птицу, лишь мельком взглянул на подошедшего. Он зачерпнул из деревянной кадки ковш воды, чтобы смыть запах крови, и, не поднимая головы, ровным тоном ответил, что это Шуй Цюэ всю ночь заставлял его обмахивать себя веером, вот он и не сомкнул глаз.

Была и другая, более важная причина, о которой Ци Чаоцинъ умолчал. На самом деле, во второй половине ночи, после того как он зажёл тлеющие жгуты, комары в спальне исчезли. Но, обмахивая гостя веером, он, даже отводя взгляд, боковым зрением всё равно видел его нежную кожу. А когда от прохладного ветерка Шуй Цюэ повернулся и придвинулся к нему, его щека, белая, как снег, прижалась к подушке и слегка деформировалась, отчего губы приоткрылись в тихом дыхании.

Из-за того что юноша лежал на боку, ворот лёгкой летней безрукавки распахнулся, и его худощавая грудь в лунном свете создавала едва заметный изгиб. Ци Чаоцинъ, мельком взглянув на это, провёл остаток ночи, глядя в потолок.

Шуй Цюэ же, проснувшись, обнаружил, что все комариные укусы исчезли, и, конечно, не поверил словам мужчины. Он так сладко спал, как он мог заставлять того обмахивать его веером? Нечего было валить с больной головы на здоровую.

Разделав птицу, Ци Чаоцинъ на разделочной доске разрубил тушку пополам: одну половину он оставил на суп, а другую решил приготовить на обед и ужин — сначала обжарить, а потом потушить. На завтрак же были поданы лёгкая рисовая каша и тонкие лепёшки.

Он переоделся, чтобы избавиться от запаха крови, и собрался в уезд Чанчжоу. Шуй Цюэ, вспомнив о вчерашних ледяных шариках, захотел пойти с ним. Ци Чаоцинъ не стал возражать, только при переходе через реку ему пришлось поддержать спутника, чтобы тот снова не упал в воду.

Уезд Чанчжоу

Как только они вошли в город через юго-западные ворота, на улице им сразу попала палатка с прохладительными напитками. При прошлой династии частным лицам запрещалось хранить лёд, и торговцам приходилось платить властям огромную арендную плату за ледники. Себестоимость была так высока, что летний лёд ценился на вес золота, и простой народ, узнав цену, лишь разводил руками. Но с приходом династии Да Жун рынок льда вот уже более тридцати лет был свободен, и летние лакомства появились в изобилии. В одном только уезде Чанчжоу насчитывалось двенадцать ледников.

Простенькие навесы передвижных палаток с напитками теперь стояли на каждом углу. Снежная пена с кумкватом, личи в сахаре, зелёные бобы в сахарном сиропе, маринованная папайя...

Шуй Цюэ, усевшись за маленький деревянный столик, заказал сначала миску холодных шариков, потом — снежной пены с кумкватом, а когда захотел попробовать что-то ещё, Ци Чаоцзинь решительно его остановил. Он оставил на столе пятнадцать монет и, нахмурившись, потянул юношу за собой.

— Живот разболится.

Хозяин палатки, улыбаясь, смахнул морщинистой рукой монеты в карман.

— Приходите ещё, господа!

Лавка вееров

Ци Чаоцзинь повёл его через улочки и переулки в лавку вееров на другой стороне города. Хозяин заведения знал его много лет и был с ним в хороших отношениях, поэтому не возражал против присутствия постороннего. Пока мастер рисовал, Шуй Цюэ мог лишь наблюдать.

Он держал в руках кисть лишь однажды, на уроках рисования в старшей школе в своём первом мире, и тогда едва научился правильно её держать. Теперь же, в этой подлинной древности, он совершенно не понимал, как несколькими взмахами кисти художник создавал на бумаге

бамбуковые рощи и причудливые скалы.

Поглощённый зрелищем, Шуй Цюэ не заметил, как под его пристальным взглядом спина Ци Чаоцзиня невольно напряглась.

— Ци-второй, какая неожиданная встреча, — раздался у входа молодой мужской голос, полный весёлых и насмешливых ноток.

Юноша поднял голову. У входа стоял человек в синем шёлковом халате с тёмным узором в виде облаков. Сразу было видно, что это учёный. Он обмахивался складным веером превосходного качества с шёлковыми вставками.

«Наверное, его товарищ по учёбе», — предположил Шуй Цюэ.

Ци-второй лишь мельком взглянул на пришедшего.

— Третий молодой господин Цуй, и вправду неожиданно.

[Цуй Шисинь, третий ребёнок в столичной семье Цуй. Его старшие брат и сестра уже обзавелись семьями, и лишь он, младший сын, пять лет назад последовал за своим отцом, магистратом уезда Чанчжоу, и поступил здесь в академию Сицзян. Он и Ци Чаоцзинь — ровесники, они вместе сдавали экзамены, но Ци Чаоцзинь занял первое место, из-за чего Цуй Шисинь затаил обиду.]

Он услышал от другого своего соученика, Дэн Цана, что Ци-второй в последнее время, похоже, нуждается в деньгах и подрабатывает росписью вееров, вот и решил заглянуть по пути. Хотя Цуй Шисинь и не считал себя святым, но до того, чтобы потешаться над бедностью другого, он не опускался.

Его взгляд скользнул на спутника Ци Чаоцзиня, и веер в руке замер.

«Почему он такой белый? Он что, напудрен?»

Цуй Шисинь вырос в столице, где учёные мужи имели привычку пудриться, стремясь к утончённой красоте. Цуй Шисиню это было неприятно, особенно когда некоторые из старших гостей улыбались, и пудра осыпалась с их морщинистых лиц. Это стало одним из его детских кошмаров.

Но почему-то на лице этого юноши он не видел никаких следов белил. Кожа была нежной и свежей, белее любого искусственного порошка. Он смотрел так прямо и пристально, что его взгляд можно было считать дерзким.

Ци Чаоцинъ нахмурился и со стуком положил кисть.

— Мой дальний двоюродный брат, Шуй Цюэ. Его родители погибли, и он приехал ко мне.

«В этот полуразвалившийся двор семьи Ци?.. — Цуй Шисинь не произнёс этого вслух. — Что там можно было найти?»

Он и сам должен был признать, что в жилах столичной знати текла кровь, которая заставляла их свысока смотреть на выходцев из бедных семей.

Шуй Цюэ посмотрел сначала на своего защитника, потом на Цуй Шисиня и, кивни в знак приветствия, вежливо произнёс:

— Третий молодой господин Цуй, рад знакомству.

Цуй Шисинь одарил его ещё одним странным взглядом.

«Почему его речь ещё мягче, чем здешний южный говор...»

Приближалось время открытия дневного рынка, и Цуй Шисинь не собирался задерживаться. Больше не беспокоя их, он ушёл.

Лавка готовой одежды

Два дня подряд все расписанные веера раскупались вскоре после открытия рынка, и хозяин лавки щедро доплатил художнику. За полдня тот заработал пятьсот монет. Сегодня Ци Чаоцинъ специально взял с собой ещё несколько связок денег.

Шуй Цюэ последние дни носил поочерёдно то купленный ранее халат из узорчатой марли, то простую светлую рубашку, которую ему выдала Система. Ци Чаоцинъ решил отвести его в лавку готовой одежды и купить новый наряд. Номер 77 тут же посоветовал Носителю выбрать самое дорогое, а потом ещё и покапризничать, чтобы проявить свой корыстный характер.

Это была самая большая лавка на южной стороне. У Шуй Цюэ разбежались глаза. Он не разбирался в тканях, но в этом месте не продавали даже простой одежды из грубой ткани, что говорило о высоких ценах.

У Шуй Цюэ закружилась голова, и он поспешно спросил:

«Какое... какое самое дорогое?»

[Носитель, подожди, 77-й сейчас попросит вспомогательную программу рассчитать!]

[Выбери третье слева. Тебе пойдёт] — вмешался Наблюдатель.

Шуй Цюэ, послушавшись, потянул Ци Чаоцзиня за рукав и указал на шёлковый халат.

— Ци-лан, я хочу вот это, — указал он на халат из мягкого шелка.

К ним тут же подошёл улыбающийся продавец и принялся расхваливать товар, упоминая шёлковую ткань кэсы цвета топлёного молока и узор «журавли и олени».

— Если желаете купить, молодой господин, — с улыбкой сказал продавец, — то десять гуаней, и можете надевать.

Десять гуаней... Шуй Цюэ медленно моргнул. Тысяча монет — это один гуань, значит, десять тысяч монет... Он осторожно взглянул на Ци Чаоцзиня. Выражение его лица, казалось, не изменилось.

Шуй Цюэ, следуя своей роли, взял его за руку.

— Ци-лан... как думаешь, мне пойдёт?

Спросив, он почувствовал, что ладонь Ци Чаоцзиня была прохладной. Тот легонько похлопал его по руке и серьёзно ответил:

— Пойдёт. И цвет, и узор тебе к лицу.

Скрыв бушующие в душе чувства, он всё же добавил:

— Вот только сейчас денег не хватает. Выбери что-нибудь другое, хорошо?

Услышав это, продавец наконец обратил внимание на спутника прекрасного юноши. Ци Чаоцзинь стоял прямо, высокий и стройный, как сосна, и сразу было видно, что он бедный учёный в халате из грубой ткани.

«Такая прекрасная внешность, такое нежное тело... неужели он и вправду связал свою жизнь с

этим бедняком?»

[Эх, — бесстрастно вздохнул Наблюдатель, — куда уж дикому фазану до феникса]

Шуй Цюэ поджал губы и, перестав выбирать дорогую одежду, взял с прилавка отрез бледно-синего шелка.

— Эту ткань, — с сожалением вздохнул продавец, — забирайте за один гуань шестьсот монет.

Это был самый дешёвый шёлк.

— Ци-лан, купи мне этот отрез, из него можно будет сшить два наряда... — сказал Шуй Цюэ.

Глаза Ци Чаоцзиня полуприкрылись, и он, сжав в рукаве монеты, ответил:

— Хорошо.

[Какой же ты добрый, мой маленький бодхисаттва]

Дома у Ци Чаоцзиня оставался один гуань, с собой он взял полтора, да ещё сегодняшняя плата — едва набиралось два гуаня. Оставалось четыреста монет. Купив отрез, они пошли на дневной рынок, взяли зелёного лука, душистого перца и белого вина.

Едва они ушли, как со второго этажа спустился Третий молодой господин Цуй. Он сложил веер и указал на халат, который сначала выбрал Шуй Цюэ.

— Десять лянов серебра. Доставить ко мне домой.

Десять гуаней — столько стоил для Цуй Шисиня один ужин в столичном трактире. Он и сам не знал, зачем это делает.

«Ладно, всего лишь десять лянов. Просто удовольствие от того, что снова уделал Ци-второго»

Весь день Ци Чаоцзинь был молчалив. Вечером он снова отправился в уезд и вернулся с кипой книг. Он взялся за переписывание редких томов для академии.

Когда луна поднялась высоко, Шуй Цюэ, прижавшись к «бамбуковой жене», сонно спросил:

— Ци-лан, ты ещё не спишь?

— Ты спи первым, — тихо ответил Ци Чаоцзинь, не отрываясь от работы.

Он зажёлг в спальне тлеющий жгут от комаров, а сам перенёс лампу в кабинет, чтобы свет не мешал. Шуй Цюэ тут же уснул и проснулся только к полудню. Открыв глаза, он увидел перед собой высокую тёмную фигуру.

— Что случилось? — с недоумением спросил он. — Почему ты так на меня смотришь с самого утра?

Ци Чаоцзинь долго смотрел на серебряный замок долголетия на груди юноши.

«Таким замком мог обладать лишь господин, которого холили и лелеяли в знатной семье»

Он выпрямился, его взгляд стал тяжёлым.

— Ничего. Ты поздно встал, умывайся и завтракай.

Гора

— В это время на горе уже созрели персики. Хочешь персикового риса?

Шуй Цюэ закивал, как цыплёнок:

— Угу.

Они отправились в путь. Сначала им попались каштановые деревья, затем бамбуковые рощи и чайные деревья. Когда они добрались до персиков, заморосил лёгкий слепой дождь. Ци Чаоцзинь повёл Шуй Цюэ в беседку Дэдао, чтобы переждать непогоду.

Вскоре дождь закончился.

— Пора спускаться, — сказал мужчина.

Но шагов за спиной не последовало. Юноша с растерянным видом стоял в беседке.

— Дорога вся в мокрой грязи... — поджав губы, он посмотрел на Ци Чаоцзиня с мольбой. — Это новые туфли, которые купил мне Ци-лан. Мне жаль их пачкать.

От этих слов всякое раздражение у мужчины улетучилось. Он присел на корточки.

— Садись.

Шуй Цюэ с радостью залез к нему на спину. Однако прогресс сюжета не сдвинулся.

«Почему его ещё и сняли?»

[Потому что вчера ты слишком быстро его простил и не проявил корыстной натуры. Прогресс упал с 11% до 10%. Тебе нужно умаслить его сладкими речами, ведь твой персонаж не должен успокоиться, пока не получит лучший наряд.]

«Ох...»

Он обхватил Ци Чаоцзиня за шею и прошептал:

— Ци-лан, я ведь хорошо к тебе отношусь?

[Угу] — неопределённо отозвался тот.

— А когда будет готова моя одежда? И купишь ли ты мне ещё один новый наряд?

— Скоро. Куплю.

Шуй Цюэ прижался к его уху и коснулся кожи тёплыми губами.

— Ци-лан, ты так добр ко мне. Ты мне так по сердцу.

От этого прикосновения мужчина напрягся, а его ухо вспыхнуло огнём. Он чуть не оступился.

— Смотри под ноги! — испугался Шуй Цюэ. — Уронишь меня.

— ...

Впереди, в траве, что-то зашевелилось. Это был белый кролик, попавший в ловушку.

— Мы можем его оставить?

Из зарослей вышел высокий, крепкий мужчина — У Чунь. Он бесстрастно схватил кролика за уши. Ци Чаоцзинь, видя желание Шуй Цюэ, обратился к нему:

— Брат У, не мог бы ты продать мне этого кролика? Я заплачу рыночную цену.

Охотник метнул в него соколиный взгляд и хрипло бросил:

— Не продаётся.

<http://bllate.org/book/15811/1440122>